

Два человека, не имевшие между собой абсолютно ничего общего – один степенный и рассудительный, другой своенравный и капризный, – неожиданно нашли общий язык, хотя поначалу казалось, что они говорят на разных языках.

Лицо Чу Юня заметно посветлело, и он даже обмолвился о том, что было бы неплохо как-нибудь поужинать вместе.

Поистине редкое, почти невероятное явление.

Ли Чжися украдкой бросил взгляд на своего молодого господина. Ему было крайне трудно связать нынешний вежливый образ с тем, как вчера тот, пылая яростью, ворвался в «Чэньхуа».

Те самые двести миллионов, которые теперь так легко и непринужденно были предложены режиссеру Чжэн Юаньшэну, в свое время вызвали у господина настоящий приступ гнева.

Причины произошедшего уходили корнями в прошлое, всего на несколько дней назад. Казалось, всё началось со слухов, но Ли Чжися считал, что в сложившейся ситуации куда большую роль сыграл непростой характер его господина.

Ранее отдел по связям с общественностью Редженс Медиа несколько раз расплывчато заявлял: «Выбор режиссером Чжэном нашего актера – это знак доверия, и мы окажем полную поддержку».

Вскоре поползли слухи. Сначала это были обычные сплетни о тайнах богатых семей: якобы внутри «Чэньхуа» назрел серьезный раскол, и несколько старых печатных изданий даже опубликовали фотографии трех наследников семьи Чу, разделив их между собой грозными молниями.

Заголовки пестрели кричащими фразами вроде: «Разлад в элитном конгломерате: братья и сестры разошлись во мнениях».

В прессе вовсю обсуждали «холодного императора» и «железную леди», а Чу Юня, как это обычно бывало, мимоходом окрестили ветреным богачом.

Не прошло и суток, как новость была удалена, а издание опубликовало официальное извинение.

Однако в мире шоу-бизнеса всё устроено иначе: стоит появиться хоть крупнице информации, как она мгновенно обрастает домыслами, и забыть её становится уже невозможно. Особенно если речь идет о такой семье, как Чу, – даже без происков конкурентов внимания к ним было в избытке.

Слухи распространялись бесшумно.

Вскоре из этой новости выросла другая: якобы Чу Мянью и Чу Хуан враждуют годами, их отношения зашли в окончательный тупик, а обещанная режиссеру Чжэну «неограниченная смета» – лишь пустой звук, так как у компании возникли проблемы с денежными потоками.

«Неограниченный бюджет – это просто фикция».

Подобные сплетни, которые время от времени проскальзывали на первые полосы, обычно не

стоили и выеденного яйца, но нашлись те, кто с удовольствием подлил масла в огонь. Они с таким жаром расписывали недовольство режиссера, что даже выдумали детали: якобы «Чжэн Юаньшэн больше заинтересован в финансовой поддержке от Яоцзин».

Любому здравомыслящему человеку было совершенно ясно: для режиссера уровня Чжэн Юаньшэна, обладающего безупречной репутацией и признанным мастерством, вопрос о том, кто именно инвестирует в фильм, – сущая мелочь. Подобные слухи вряд ли могли дойти до его ушей, не говоря уже о том, чтобы заставить его изменить решение.

Но слухи никогда не опираются на логику.

Те, кто понимал суть, не верили, но нашлись и те, кто поверил.

Эти пересуды дошли до ушей Чу Юня, изрядно исказившись.

– Переведи им двести миллионов, – Чу Юнь, не меняясь в лице, уставился на Ли Чжися, и в его голосе прозвучало крайнее нетерпение. – Немедленно. Прямо сейчас.

Ли Чжися замялся, пробормотал что-то невнятное и замолчал, не смея больше подать голоса.

Мало того что это было практически невозможно, так даже если бы их господин, совершенно не заботясь о судьбе «Чэньхуа», решил пойти наперекор закону, у них просто не было таких свободных средств...

– Чего застыл? – Чу Юнь, заметив его реакцию, нахмурился и сверкнул глазами. – Не слышал, что я сказал?

– Господин, – Ли Чжися сглотнул, не смея поднять взгляд, и выбрал более мягкую формулировку, которую господин мог бы принять. – Мы сейчас не можем воспользоваться этими средствами...

– Не можем? – Чу Юнь усмехнулся. – Всего двести миллионов, и я не могу ими распорядиться?

Ли Чжися осекся.

Не говоря уже о том, что в прошлый раз Чу Юнь в порыве гнева, совершенно не считаясь с возможными потерями, едва не разгромил одну крупную компанию.

В итоге Чу Юнь вроде бы вышел победителем, но лишь потому, что кто-то прикрыл его тылы, а с точки зрения капитала это обернулось обоюдными потерями.

Конечно, Чу Юнь не задумывался о последствиях, в одностороннем порядке объявив о полной победе.

Разгрести последствия пришлось другим.

Но теперь крупные финансовые операции Чу Юня находились под строгим контролем.

Даже если бы не тот случай, и не учитывая юридические тонкости, Ли Чжися было бы крайне сложно проверить перевод двухсот миллионов по первому требованию.

Если говорить начистоту, на личных счетах Чу Юня никогда и не было таких денег.

Ежегодно он получал несколько десятков миллионов на «карманные расходы», но они

предназначались лишь для повседневных трат и мелких инвестиций.

Как только сумма превышала пятьдесят миллионов, процедура становилась куда строже и сложнее.

Чтобы воспользоваться такими средствами, нужно было подать заявку, пройти через множество уровней согласования в комитете семейного траста и совете директоров группы компаний, а порой даже созвать специальное собрание по распределению средств...

- ...Поэтому мы...

Ли Чжися попытался объяснить, но был остановлен одним лишь взглядом Чу Юня.

Чу Юнь помрачнел и отдал более конкретный приказ:

- Свяжись с UBS, переведи эквивалент в долларах с зарубежного счета.

Ли Чжися ответил едва слышно:

- Деньги на счете в UBS - это те, что траст выделил два месяца назад...

Средства на швейцарском счете также контролировались семейным трастом, и любой перевод сверх лимита требовал предварительного одобрения. Воспользоваться ими в экстренном порядке было невозможно.

У Чу Юня запульсировало в висках:

- Тогда используй фонд!

Голос Ли Чжися стал еще тише:

- Э-э...

Средства фонда на Каймановых островах были строго ограничены в использовании - только для конкретных инвестиционных проектов. Чтобы их задействовать, нужно было подать подробный отчет и пройти через процедуру проверки комитета, которая занимала не менее полумесяца.

- Значит, мне продать дома и земли? - Чу Юнь окончательно почернел лицом и процедил сквозь зубы. - Найди пару квартир в Нью-Йорке или Сингапуре и продай их за бесценок!

Ли Чжися почти лишился дара речи. Он был готов провалиться сквозь землю:

- Простите, господин...

Элитные апартаменты по всему миру также являлись фиксированными активами семьи. Формально они считались «личным жильем» Чу Юня, но на деле он не мог распоряжаться ими по своему усмотрению - продажа также требовала соблюдения всех процедур...

- Бах!

Чу Юнь, не выдержав, с грохотом ударил по столу:

- Что это значит? Может, мне просто продать самого себя?!

В комнате воцарилась тишина.

Господин покраснел от ярости, а помощник лишился слов.

Ли Чжися уставился на свои носки и, надо признать, всерьез задумался над этим предложением.

Господин действительно стоил дорого, его можно было выгодно продать. Двести миллионов – сумма немалая, но ведь есть и другие семьи, равные по статусу, где многие хотели бы заполучить его господина.

Однако, подумав, он понял: если покупатель – тоже молодой господин, ему придется проходить через одобрение траста, подавать отчеты и, заодно, как-то обходить закон о торговле людьми...

Эх, это обойти не получится...

- Отлично, просто замечательно.

Ли Чжися вздрогнул от слов, процеженных Чу Юнем сквозь зубы, и увидел, как тот схватил пальто и направился к выходу.

- Господин, господин!

- Ты что, меня хоронишь?!

- Куда вы?

- Пойду побираться.

- Есть!

Побираться?

Ли Чжися опешил от этих слов, но было уже поздно.

Черный «Ламборгини» с ревом, подобным запуску ракеты, сорвался с места, оставив Ли Чжися в облаке выхлопных газов.

Ли Чжися запричитал: «Все пропало, все пропало», – и закричал водителю:

- Брат Ван, брат Ван, скорее, догоняй ту машину!

Стоп, это же фраза из полицейского боевика.

Это не вор, это господин.

Брат Ван уже вошел в азарт:

- Пристегнись, поехали!

Стоило нажать на газ, как Ли Чжися вжало в сиденье, и все лишние мысли вылетели из головы.

Здание «Чэньхуа» было уже близко. Брат Ван резко затормозил. Ли Чжися, еще не придя в себя, нетвердой походкой выбрался из машины, и его начало мутить – голова кружилась, лицо

стало мертвенно-бледным.

Неподалеку «Ламборгини» эффектно затормозил, даже не закрыв причудливые двери. Ключи были брошены на ходу и подхвачены суетящимся парковщиком.

Ли Чжися, сдерживая тошноту, успел лишь заметить, как полы плаща Чу Юня скрылись за вращающимися дверями.

Вдруг он вспомнил о самом важном и в панике схватился за телефон:

- Учитель Цзян! Господин он... - его вырвало.

На другом конце провода Цзян Кэянь нахмурился: «Ли Чжися, его что, тошнит от господина?»

Дверь в конференц-зал с грохотом распахнулась. Чу Юнь широким шагом вошел внутрь, а следом за ним - семь или восемь секретарей, не посмевших его остановить.

Все они неловко застыли у входа, слегка согнувшись и опустив головы.

Топ-менеджер, который как раз докладывал, мгновенно умолк.

Чу Мянью, сидевший во главе стола, даже не поднял головы.

- Продолжайте, - произнес Чу Мянью.

Тот, кто не успел закончить доклад, поспешно продолжил, стараясь проговорить все как можно быстрее.

Чу Юнь неспешно направился к столу.

- Еще есть что добавить? - спросил Чу Мянью.

Все дружно покачали головами.

Чу Юнь, в одиночку и с холодным лицом, противостоял всей комнате, задрал подбородок, словно ожидая, кто осмелится пойти против него.

Он бросил:

- Вышли вон.

Секретари посмотрели на Чу Мянью, и тот наконец подал голос:

- Собрание окончено.

Стоило ему это произнести, как присутствующие повскакивали с мест и, словно получив помилование, бросились вон. Секретари бесшумно закрыли дверь, и в комнате остались только двое братьев.

Чу Мянью медленно откинулся на спинку стула и холодно произнес:

- Еще раз подобное повторится, и я прикажу просто не пускать тебя за порог.

Чу Юнь, разумеется, прекрасно знал, что без прямого разрешения Чу Мянэ его действительно могут остановить на входе.

- Брат, - Чу Юнь в гневе усмехнулся, - тогда уж лучше просто дай мне умереть. Двести миллионов - это сущие копейки, так что же ты от меня хочешь? Чтобы я пошел торговать собой?

Чу Мянэ пристально уставился на взъерошенного младшего брата:

- Повтори-ка, что ты сейчас сказал?

Чу Юнь осекся, и его бледное лицо мгновенно покраснело от приливающей ярости.

После нескольких секунд тяжелого, напряженного молчания он вдруг сменил тон:

- Прости, брат, - Чу Юнь внезапно стал удивительно послушным и подошел к старшему брату.
- Я не должен был так говорить.

Застывший в комнате воздух снова пришел в движение.

Чу Мянэ по-прежнему говорил ровным, бесстрастным тоном:

- Раз уж ты сам понимаешь, что это мелочь, не устраивай вокруг этого такой цирк.

Чу Юнь снова сверкнул глазами, но, не дойдя до пика своего возмущения, внезапно погас.

В конце концов он лишь горько усмехнулся:

- Высокомерный господин Чу, видимо, совершенно не понимает всех тягот и трудностей таких бедняков, как я. Чтобы потратить даже небольшую сумму денег, мне нужно пройти через все круги ада: бесконечные заявки, проверки, необходимость терпеть чужие оценивающие взгляды. Такая жизнь порой кажется хуже, чем побираться на улице, впрочем, мне уже не привыкать.

Если бы в этот момент в комнате находился кто-то другой, эти нелепые слова могли бы вызвать искренний смех.

Но брови Чу Мянэ лишь сильнее сдвинулись к переносице.

Снова воцарилось гнетущее, тяжелое молчание.

Чу Юнь стиснул зубы, и его голос стал звучать всё тише:

- Я прекрасно знаю, что я здесь никто, - пробормотал он. - Я больше не смею тебя беспокоить, ты доволен?!

Воздух в комнате окончательно застыл.

Выражение лица Чу Мянэ было настолько отстраненным, что казалось почти равнодушным, когда он наконец уступил:

- Понял.

Чу Юнь даже не сдвинулся с места, лишь добавил, капризно надув свои красивые губы:

- Сейчас же.

Чу Мянэ нажал кнопку связи на своем столе:

- Позовите Цзян Кэяня.

После того как он положил трубку, оба снова замолчали.

Вскоре раздался вежливый стук в дверь, и в кабинет вошел Цзян Кэянь:

- Председатель, господин.

- Сделай так, как он просил, - коротко распорядился Чу Мянэ.

- Слушаюсь.

Чу Мянэ перевел взгляд на брата:

- Доволен?

Чу Юнь лишь холодно хмыкнул. Он выглядел теперь вовсе не как человек, пришедший просить денег, а как влиятельный кредитор, явившийся за возвратом долга. Он высокомерно кивнул и не удержался от колкости:

- Если бы ты сделал это раньше, мне бы и в голову не пришло так сходить с ума.

Чу Мянэ наконец позволил себе легкую, едва заметную улыбку:

- Оказывается, наш младший господин прекрасно осознает, когда начинает сходить с ума.

Получив желаемое, Чу Юнь не стал тратить время на пустые любезности с холодным братом.

Он резко развернулся и вышел из кабинета, а Цзян Кэянь слегка поклонился ему вслед.

Вдруг Чу Юнь что-то вспомнил и остановился:

- Помощник Цзян, ты видел Чжися?

Цзян Кэянь на несколько секунд замолчал, подбирая слова:

- Ли Чжися сейчас ждет вас в медпункте.

- ? - Чу Юнь в недоумении замер.

Его лицо мгновенно помрачнело, и он поспешно удалился в сторону медицинского крыла.

Чу Мянью, глядя ему вслед, произнес:

- Устраивать такие истерики из-за подобной мелочи... Похоже, пришло время всерьез взяться за его воспитание.

Цзян Кэянь промолчал.

Настоящий профессионал всегда знает, какие слова босса стоит слышать, а какие - лучше пропустить мимо ушей.

Вспомнив Ли Чжися, которого укачало до полусмерти, Цзян Кэянь слегка нахмурился. Этому юноше, который оказался таким же безрассудным, как и его господин, было крайне трудно что-то объяснить.

Ли Чжися лежал на кушетке, бледный как полотно, и, увидев вошедшего Чу Юня, попытался приподняться:

- Гос...

- Какой еще «гос»? Лежи уже, - Чу Юнь бесцеремонно уложил его обратно и, нахмурившись, спросил врача: - Что с ним?

- Легкое сотрясение мозга, - ответил доктор. - Пару дней полного отдыха - и всё пройдет.

Чу Юнь уставился на бледное лицо Ли Чжися и, усмехнувшись, щелкнул его по лбу:

- Ну ты даешь, Ли Чжися. Умудриться получить сотрясение, просто преследуя машину. Молодец, просто молодец.

Ли Чжися простонал, прикрывая лоб рукой, потер ушибленное место и, увидев господина, снова воодушевился:

- Господин справился!

Чу Юнь криво улыбнулся, поправляя свой сверкающий наряд:

- Разве твой господин хоть раз в жизни терпел неудачу?

Он был крайне доволен собой, словно и не умолял минуту назад брата о деньгах.

Тем временем наверху Чу Мянэ кое-что вспомнил.

- Свяжитесь с Сун Ичжоу, - нахмурился он. - Раз он устроил такой переполох, он вряд ли успел рассказать об этом сестре.

Однако Чу Хуан уже всё знала.

Вместе с новостью о двухстах миллионах до неё дошло известие о том, что Чжэн Юаньшэн окончательно утвердил главного героя.

Новость о том, что «в фильме "Под суетой" утвержден главный герой, а киноимператор Ши Цзянь вновь удостоился внимания именитого режиссера», молниеносно разлетелась по всем СМИ.

Вместе с ней всплыли и едкие сплетни о «двухстах миллионах», намекающие на то, что успех Ши Цзяня имеет иную, куда менее благородную подоплеку.

Чу Хуан не успела ничего предпринять, как раздался звонок от Чу Юня.

К её удивлению, в этот раз Чу Хуан, выслушав холодные вопросы брата, не стала спорить, а лишь коротко ответила: «Поняла».

Чу Юнь осекся:

- Что ты поняла?

- Я организую пресс-конференцию и всё объясню, - ответила Чу Хуан. - Доволен?

Такая внезапная готовность согласиться лишь вызвала у Чу Юня новые подозрения.

- Чу Юнь, - Чу Хуан внезапно назвала его по имени и фамилии. Её тон не был тяжелым, но звучал очень официально.

Сердце Чу Юня екнуло.

- Ты ведь не просто решил «поиграться» с Ши Цзянем, верно? - спросила она.

Чу Хуан легонько постукивала ручкой по столу.

Она откинулась на спинку кресла, повернувшись к панорамному окну, и смотрела на сияющий миллионами огней город моды.

На другом конце провода раздался холодный смешок.

- Что ты вообще понимаешь? - Чу Юнь, не сдерживаясь, выпустил свои шипы. - Я радуюсь за себя, и к нему это не имеет абсолютно никакого отношения.

Чу Хуан не стала придирается к его грубости и спокойно продолжила:

- А если ты всерьез увлечен им, что с того? Признать, что это не просто «поиграться», так сложно? Или ты хочешь сказать, что тебя смущает его пол?

Чу Хуан была готова рассмеяться.

Её «прославленный» ветреный брат, который вдруг начал так сильно заботиться о чужом мнении, - это было даже забавно.

Да, семья Чу была консервативна, правил существовало множество, но кого именно любит Чу Юнь - мужчину, женщину или вообще никого... это не имело принципиального значения.

Чу Мянью не вмешивался, Чу Хуан не вмешивалась, и никто другой не мог ему указывать.

Возможно, впереди их ждало много бурь и бесконечных проблем, но глубокое чувство вины перед Чу Юнем позволяло брату и сестре быть предельно снисходительными в таких вопросах, лишь бы он был счастлив.

Чу Хуан не обсуждала это с Чу Мянью, но была уверена, что в этом вопросе они могли бы прийти к полному согласию.

Тем более что Чу Мянью проявлял стопроцентное попустительство, доходящее до того, что это вызывало искреннее недоумение.

Чу Хуан была крайне не согласна с таким подходом; её раздражало, что Чу Мянью позволяет Чу Юню делать всё, что тому заблагорассудится.

Она хотела, чтобы Чу Юнь наконец встал на правильный путь и занялся делом.

- Слушай сюда, - раздался в трубке холодный голос Чу Юня, возвращая Чу Хуан к реальности.

Его тон был неприятен, и она приподняла бровь:

- Внимательно слушаю.

- В этой жизни я никогда, ни при каких обстоятельствах не смогу его полюбить.

Звонок оборвался. Это был окончательный ответ Чу Юня.

Чу Хуан небрежно отложила телефон и продолжила смотреть на ночной город.

Она подумала: если он искренне увлечен, это не страшно.

Но если он твердо решил, что это лишь «поиграться», то разговор будет совсем другим.

<http://bllate.org/book/17941/1720631>